

УДК 82

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОБСТАНОВКА XX ВЕКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «МОСКОВСКАЯ САГА» В. АКСЕНОВА**

Жантогулова Гаухар Ураловна

uralovna0402@mail.ru

магистр педагогических наук, преподаватель кафедры русской филологии
ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва, г. Нур-Султан, Казахстан

Более полувека назад Джордж Оруэлл написал в своей статье «Политика и язык»: «В наше время политические речи и тексты являются, по сути, защитой того, что не может быть защищено. Продолжение британского правления в Индии, чистки и депортации в России, атомная бомба, сброшенная на Японию, конечно, может быть защищена, но только аргументами, которые кажутся слишком грубыми для большинства людей и которые не совпадают с провозглашенными целями политических партий.

Это обосновывает, что политический язык должен состоять, по большей части, из эвфемизмов, вопросов и неопределенных заявлений. «Он развивает свою идею в «Заметках о национализме», где говорит: «Я думаю, что каждый должен участвовать в политике ... и чтобы у всех были предпочтения. То есть, каждый должен различать, что некоторые явления в политике, политических направлениях, политических целях объективно лучше других, даже если средства для их достижения одинаково плохи» [1].

Любая составляющая художественного текста, к которым относится и фрагменты политического текста, в его составе подчиняется авторской концепции, а также выполняет определенные функции. В данной статье мы попытаемся выявить функции политического текста с позиции демонстрации авторской точки зрения Василия Аксенова, репрезентации его картины мира, состоящей из его умозаключений об окружающей действительности.

Исследованием политического дискурса занимались Е.И. Шейгал, А.П. Чудинов, Э.В. Будаев и др. С политическим текстом мы сталкиваемся практически ежедневно, этот факт можно связать с устройством общества, с его отчасти демократичностью и свободой слова. Но стоит вспомнить, что на всех исторических этапах с различными формами правления (будь то коммунистическая, социалистическая страна или государство с тоталитарным режим, во главе которого стоит диктатор) мы все в разной степени имеем дело с языком политики.

Сюжет и композиция любого произведения искусства немыслима без напряженности и конфликтов. Это также характерно для политического текста.

Роман в современном значении – это эпос частной жизни. Личная жизнь в романе может быть изображена в отрыве от социальных и политических отношений, но образ личной жизни героев может быть эффективным средством проникновения в корень социальных отношений той эпохи (и не только в романе современности, но и в классических формах средневекового романа). Получается, что в любом романе социальные отношения опосредуются элементами частной жизни, а формирование эпических форм происходит под влиянием социально-исторических факторов и в связях с литературными и идеологическими течениями.

Семейный роман характеризуется искренней тональностью, атмосферой доверительных, близких контактов, в то время как переплетение политических текстов в работе позволяет говорить о трансформации общей атмосферы романа, придавая ему эпическую и публицистическую функции.

Политический текст, вероятно, относится к разным жанрам: устным (речь на митинге или в парламентских дебатах, репортаж на партийном съезде, телевизионное интервью с политическим лидером и другие) и письменным (передовая или аналитическая статья в периодике, листовке, программе политической партии и так далее).

Содержание рассматриваемого типа текстов является отражением деятельности партий, других общественных организаций, органов государственной власти, общественных и государственных руководителей и активистов, направленных на развитие (в широком смысле) социально-экономической структуры общества.

Целевой признак политического характера текста – это его предназначенность для воздействия на политическую ситуацию при помощи пропаганды определенных идей, эмоционального воздействия на граждан страны и побуждения их к политическим действиям [2].

Одним из наиболее распространенных видов исследования художественного текста является его композиционный анализ, связанный с понятием «точка зрения». Проблема

точки зрения «представляется центральной проблемой произведения искусства – объединяющей самые разные виды искусства» [3].

Несомненный интерес вызывает личность Василия Аксенова, имевшего драматические эпизоды непосредственного общения с властью. А. Кабаков совместно с Е. Поповым в книге «Аксенов» пишет, что своим появлением на литературной арене он «возмещает второсортность «сына врага».

Уже с первых печатных рассказов Аксенов создает нового героя, презиравшего советские штампы, тянувшегося ко всему западному. Его рассказы, повести и романы с восторгом принимаются читательской публикой, в особенности молодежью. Как следствие, усиливаются нападки со стороны коммунистических моралистов. Вспомнить хотя бы встречу Никиты Хрущева в Кремле с творческой интеллигенцией в 1963 году, во время которой он топал ногами и кричал на Аксенова и Вознесенского. Именно этот год, по признанию Аксенова, был переходным этапом в его творчестве, этапом развития по направлению к авангардизму. В своем интервью Джону Глэду писатель признается, что в тот момент он понял, в каком абсурдном мире живет.

Расположившиеся в одном ряду книги Аксенова «Апельсины из Марокко», «Звездный билет», «Пора, мой друг, пора!» были отмечены критиками как одна и та же книга, с одним героем отчасти изменяющимся. Критика носила социально-политический характер, так как преимущественно была комсомольской и партийной. Партийцы искали прямое отражение аксеновского героя в жизни и, вероятно, находили.

Небезызвестный критик Оганов пишет разгромную статью на «Затоваренную бочкотару» Аксенова в «Комсомольской правде», усмотрев в одном из эпизодов «контрреволюционные» мотивы: «Через десять минут должен прийти поезд, поезд пришел ровно в десять минут, но никто на него не сел. Поезд ушел и растворился в каком-то пространстве». Трудно определить в этом отрывке нечто контрреволюционное. Но стоит обратить внимание на станцию, на которую должен был прийти поезд. Она имела башню с электрическими часами, время на которых показывало 19.07. По логике Оганова, если сложить эти цифры 19.07 и 10, то выходит 1917 год. Поезд уходит в 1917 и никто не садится на Поезд Революции. Сам Аксенов так комментирует статью критика: «Вот в чем дело, до меня это не дошло. Это по Фрейду, между прочим, фрейдовская теория тут, видимо, работает в отношении этого критика».

В октябре 1964 был смещен с поста Первого секретаря ЦК КПСС инициатор оттепели Хрущев, 29 марта – 8 апреля проходит XXIII съезд КПСС, который возвращает в Устав партии сталинские названия (Политбюро и Генсек). В этот же год проходит суд – первый политический судебный процесс – над писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем.

Затем последовали суды над диссидентами и правозащитниками, несогласных с режимом отправляли в лагеря и психбольницы. Здесь мы наблюдаем за тем, как архаичное отношение к власти, придание священности, сакрального значения к руководителю страны становится предпосылкой восприятия художественных текстов как политического акта. Связано это с оценением возможной реакцией общества, которая незамедлительно последует после знакомства с произведениями популярных писателей, содержащих в себе политический текст, дискредитирующий правящую власть.

Для Василия Аксенова и других начинающих писателей, которые принадлежали к одной части литературного пространства, становится ясно, что «социализм с человеческим лицом» просто невозможен.

Любое новое и правдивое слово будет напечатано с большим трудом. Так начинается эпоха застоя. Аксенова печатают реже. В 1968 году вышел в свет роман-пародия «Джин Грин - неприкасаемый» (в соавторстве с Г. Поженяном и О. Горчаковым).

В 1971 году в «Политиздате» (серия «Пламенные революционеры») появился роман о Леониде Красине «Любовь к электричеству»). Несколько лет спустя, с перерывами,

детская научно-фантастическая драма «Мой дедушка - памятник» (1972) и «Сундучок, в котором что-то стучит».

Роман «Ожог», написанный в 1976 году, представляет собой еще одну грань такого же абсурда реального - на этот раз как тема трагедии творческой личности в тоталитарном государстве. Абсолютно антисоветский, сравниваемый критиками с «Доктором Живаго» В. Пастернака, выходит за рамки традиционного реализма. Ефимова отмечает «близость к магическому реализму». А. Кузнецов называет «Ожог» самым «фантаσμαгорическим, самым избыточным». Так называемые компетентные органы осознают, что Аксенов отправляет свой роман на Запад, что было опасно: последовали репрессии властей. Но писатель старался не только сохранить роман, но и в случае завоевания славы на Западе «Ожог» мог бы защитить писателя, так как западная публика встала бы на его защиту. Не желая допустить публикации «Ожога» за пределами СССР, власти идут на определенные послабления. Ему все еще разрешаются заграничные командировки, и даже чтение лекций в зарубежных университетах. Допускаются отдельные публикации в периодической печати: в 1976 году в «Литературной газете» («Вне сезона»), в 1978-м в «Новом мире» («В поисках жанра»).

Окончательный разрыв и демонстративный выход из Союза писателей происходит в 1979 году вслед за выходом не подцензурного альманаха «Метрополь», негласным лидером которого стал Аксенов. Сам факт выхода издания, забывшего о существовании цензуры и не прошедшего его, а также передача одного из экземпляров в Америку вызывает бурную реакцию писательской верхушки. Из союза писателей исключают молодых участников альманаха Виктора Ерофеева и Евгения Попова, после чего начинается новая жизнь писателя Аксенова – эмигрантская.

Таким образом, независимость гражданской позиции Василия Аксенова оценивается за рубежом, но никак не на родине. Желание возвыситься над элементарной достоверностью и обыденностью характерно для творчества зрелого Аксенова и является, возможно, главной отличительной чертой его авторского стиля.

Творчество Аксенова отличает обостренное чувство реальности. По своей природе его творчество, можно сказать, онтологично. Герой Аксенова понимает подлинную картину действительности, собрав воедино все имеющиеся духовные силы – историческое восприятие, чувственный опыт и религиозное миропонимание. Религиозный опыт для его героев наиболее важен для решения задачи в понимании подлинной картины мира. Так, к религиозности приходят Борис III Градов и Кирилл Борисович в романе-трилогии «Московская сага».

В разных политических системах одинаковые по своей структуре и актуальности для этих систем тексты будут оценены по-разному. Мы живем в тот период, когда существенно трансформировались все ценностные и морально-нравственные ориентиры, когда общество испытывает иные переживания, и преследует совсем другие цели, нежели, скажем, люди, жившие лет 500 тому назад.

Ведь опыт тех времен был организован совершенно не мыслимыми для современного человека жизненными условиями. Предпосылками к особенностям нашего XXI века, характерного смесью постмодерна и модерна, послужили те колоссальные общественные события, которые происходили в веке XX. Это и мировые войны, и масштабные, социальные революции, ломающие веками формировавшиеся политические устои.

Творчество Аксенова выделяет ряд философских проблем и идей, которые отражают реалии политической ситуации.

Цель создателя политического текста, даже если он вставлен как элемент художественного повествования, состоит в том, чтобы запечатлеть и удержать внимание аудитории. Эта задача решается так же, как и в художественных текстах – посредством представления информации в форме повествования. Для читателя выстраивается общий с автором «ментальный мир», который они рассматривают как свой собственный.

Политический текст в романе Аксенова «Московская сага» - это не только фон, на котором разворачиваются исторические и семейно-бытовые события главных героев. В большей степени это актуализации авторской точки зрения на базе внешнего конкретно-исторического контекста.

К таким текстам в романе мы относим политические лозунги: *«Взвейтесь, Красные знамена! Пролетарии мира! Труженики всей земли! Готовьтесь, организуйте победу мировой революции!»*, *«Вошь и социализм несовместимы!»*, *«Борьба за качество продукции — борьба за социализм!»* [4], речи вождей (зачастую с авторским ироническим комментарием): *«...Идея нынешнего ЦК о построении коммунизма в одной отдельно взятой стране разит затхлостью пошехонской старины. Ей-ейтова*истчи („Ей-ей“ в его устах прозвучало не в смысле „ей-ей“, а в смысле „ой-ой“) этот тезис по своей нелепости не может не напоминать сочинений писателя-сатирика Салтыкова-Щедрина о различных старороссийских уездных тугодумах»* [4], материалы прессы и отдельные газетные заголовки: *«Разоблачена и обезврежена еще одна группа фашистских заговорщиков!»*, *«Трудящиеся отвечают на вредительство в пищевой промышленности еще большим сплочением вокруг большевистской партии, обязательствами с честью вступить в третий, решающий год пятилетки. На места одиночек вредителей рабочий класс выдвигает в аппарат сотни и тысячи организаторов социалистического строительства»*. Политический окрас носят и тосты, строки из песен, стихи и частушки: *«Пусть будет Грузия настоящей витриной социализма в нашем великом СССР, — завершил свой спич Кахабидзе. «Мы будем петь и смеяться, как дети, среди упорной борьбы и труда!»*, *«Революции семь лет! Отрицаем мир котлет! Революция пылает, Власть семьи уничтожает!»* *«Посмотри-кось ты на стенку Ем-та Троцкого портрет, На носу очки сияют, Буржуазию пугают!»* [4]. И само собой разумеющееся, выступления с речью на митингах и собраниях – неотъемлемая часть политического текста: *«Товарищи, - начала она, - никогда не было более страшного момента в моей жизни. В тысячу раз легче бы мне было просто умереть за партию и социализм. Я всегда знала Градова как бескомпромиссного проводника генеральной линии партии, как верного ленинца, несокрушимого сталинца. Он всегда отвергал малейшее отклонение от курса, взятого сталинским Политбюро»*, *«Гризодубова, перебивая шум, зарокотала ей прямо в ухо, словно пламенный мотор: — Женщины! Девушки! Мы живем в сказочное время! Кто бы мог предсказать, что российские бабы сбросят оковы вечного рабства и будут пилотировать самолеты, командовать кораблями, водить тракторы и танки?! Никто и никогда не мог этого предсказать, как не может этого себе представить и современная поработанная женщина буржуазного Запада! Мы посвящаем наш полет великой сталинской конституции, самой демократической конституции мира, и ее творцу, солнцу нашей отчизны, Иосифу Виссарионович Сталину!»* [4].

В «Московской саге» мы наблюдаем трансляцию авторской точки зрения, демонстрирующей неприятие сталинизма во всех его проявлениях посредством разнообразия высказываний, жанровых форм и трансформаций политического текста. Здесь авторская идеологическая установка обнаруживается в оппозиции дореволюционной и революционной интеллигенции со сталинским режимом. Фоновой план, в котором отображается сталинская эпоха, создается автором при помощи художественных деталей и включения политических текстов 1920-1930 гг. однако мы говорим о двупланности романа, поскольку атмосферу эпохи передает и нарративный план, в котором повествуется жизненные перипетии семьи Градовых. Оба эти плана демонстрируют авторскую точку зрения, абсолютно не принимающую сталинскую эпоху. В своем позднем творчестве Аксенов все чаще рассуждает о политической обстановке в мире, каждый предмет которого он представляет как часть единого процесса. Его беспокоят, происходящие военные события на Ближнем Востоке, причины терроризма, он также размышляет о процессе формирования американской нации. Несомненно, что все

его мысли по поводу закономерностей взаимообусловленных и взаимосвязанных событий находят отражение в книгах.

Незадолго до смерти Аксенов начинает работать над романом, получившим издательское название «Ленд-лизовские». В своем новом романе, изначально задуманным в трех частях, но, к сожалению, не законченным (окончена первая часть и начата вторая), писатель рассказывает о своем казанском детстве, о голоде, об американской помощи воюющей России, прослеживается и воплощается желание полного авторского освобождения. Если когда-то в «Ожоге» Аксенов полностью освободился от соображений написания своих произведений в рамках советской цензуры, то в «Ленд-лизовских» автор перестает думать о читателе и его ожиданиях. Он перестает думать о том, поймет ли его слушатель, даже самый просвещенный, тем самым обретая полную свободу самовыражения [5].

Политический текст занимает важнейшее место в творчестве В. Аксенова: он естественным образом органично вплетен в жанровую форму семейно-бытового романа, отображая авторскую позицию и историко-философскую концепцию.

Список использованных источников

- 1.Алтунян А.Г. Анализ политических текстов.: Учебное пособие. – М.: Университетская книга; Логос, 2006. – 384 с.
- 2.Чудинов А.П. Политическая лингвистика. — М. : Флинта : Наука, 2006. - 256 с.
- 3.Тимофеева Л.И., Тураева С.В. Словарь литературоведческих терминов. — М. : Просвещение, 1974. - 509 с
- 4.Аксенов В.П. Московская сага. Книга первая. Поколение зимы. – М.: Эксмо, 2010.
- 5.Генис А. Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции / сост., предисл. В. Есипова. – М.: Астрель, 2012. – С. 702.